

"Культурное гнездо" Щепкиных-Станкевичей

Личность Евгения Николаевича Щепкина (1860-1920) хорошо известна историкам Одессы. В этом году исполняется 150 лет со дня его рождения и 90 лет со дня смерти. Весной исторический факультет Одесского национального университета имени И.И. Мечникова после долгого перерыва возобновил "Историографические чтения", посвятив их именно Е.Н. Щепкину.

В Большой советской энциклопедии о нем написано кратко: историк, педагог и общественный деятель. Внук актера М.С. Щепкина. Участник либерального движения начала XX в.; член 1-й Государственной думы от кадетской фракции. За подписание Выборгского воззвания в 1906 уволен со службы; преподавал в частных учебных заведениях Одессы. В период реакции порвал с кадетами. После Февральской революции 1917 вернулся в Новороссийский университет, примыкал к партии боротьбистов. С 1919 года член коммунистической партии. Но что скрывается за этими сухими строчками? Ведь наследие Е.Н. Щепкина является частью культуры исторического периода, непосредственно связанного с определенной социальной группой и научным кругом, который смело можно назвать таким термином, как "культурное гнездо".

Таким "культурным гнездом", на мой взгляд, можно было назвать всю семью Щепкиных. Дед Евгения Николаевича — известный актер Михаил Семенович Щепкин — находился в дружеских отношениях с представителями того узкого круга русской интеллигенции, который определял собой западническое направление общественной мысли начала XIX века. Его имя постоянно встречается в воспоминаниях и переписке В.Г. Белинского, А.А. Панаева, А.И. Герцена, Т.Н. Грановского, Н.Х. Кетчера, В.Ф. Корша, В.Г. Боткина и др.

Так, в одном из писем 1840 года В.Г. Белинский просит К.С. Аксакова: "Щепкину, а также Дмитрию Михайловичу и Николаю Михайловичу Щепкиным (отец Е. Н.) — словом, всему запорожскому семейству... правь челобитье великое и не жалей себя".¹ Отец Евгения Николаевича сохранил эти близкие дружеские отношения с членами кружка В.Г. Белинского на долгие годы. Все они были молодыми людьми одного поколения:

В.Г. Белинский и А.И. Герцен всего на восемь лет старше Н.М. Щепкина, И.С. Тургенев — на два года.

Интересен факт, что знакомство Николая Михайловича с его будущей женой — матерью Евгения Николаевича — косвенным образом состоялось в Одессе. Как описывает этот случай исследователь М.В. Станюлис: "Однажды в июне 1843 года в Одессе один из сыновей В.И. Станкевича — Александр — случайно встретил в гостинице М.С. Щепкина, приехавшего в город на гастроли. Александр решает познакомиться с ним, о чем позже напишет сестрам Александре и Марии в Воронеж: "...Я украдкой любовался на этого милого человека. После я решился подойти к нему... (он) тотчас вспомнил, что видел меня у В.Г. Боткина... "Очень рад, — несколько раз говорил он мне со своей добродушной улыбкой и тряс мне руку, — мне будет с кем поговорить..." Мы пошли в его номер, говорили об Одессе, о море, о театре, о Гоголе. Среди очень обыкновенного разговора в нем часто высказывалась теплая душа" (29 июня 1843 г.). И на другой день: "Пришел ко мне сейчас Щепкин, чудесный сосед. Судьба позаботилась о моем удовольствии" (30 июня 1843 г.).²

Судьба позаботилась и о том, что после этой встречи между семьями устанавливается дружеская связь, которая чуть позже становится основой новой семьи. Летом 1848 года Николай Щепкин и Александра Станкевич поженились и переехали жить в Москву. Как писал в своих воспоминаниях о семье Николай Николаевич (старший брат Евгения Николаевича): "Уклад артистически-мещанский, доставшийся как бытовое наследство со стороны отцовской и как стародворянский уклад, в котором воспитывалась мать, очень хорошо уживались и дополняли друг друга". Все жили интересами и заботами общества, не замыкаясь в помещичьем кругу. Двери дома были открыты людям мыслящим, болеющим за судьбу Отечества. Среди них встречались "очень интересные и высокоразвитые люди либеральной фронды, безответственной оппозиции, много лиц из литературного мира. К людям родители были очень снисходительны, но в дом на правах близких допускались немногие".³

Мария Владимировна Станкевич (сестра матери) описала в письме к родным в Воронеж один из зимних вечеров 1949 года, проведенных в доме Николая Михайловича и Александры Владимировны. В тот день в гости к сыну приехал М.С. Щепкин. "Обед был на славу; вино лилось и веселило сердце; тут были все люди и человеки, каких редко поискать. Старик Щепкин с другим стариком (Павлом Степановичем Щепкиным), одушевленный игрой Рудольфа, задавали чудесный пляс, увлеченные

молодежью. Заиграл адский вальс, и Кетчер (переводчик Шекспира) пошел плясать таким чертом, как будто выскочил из Гофмана. Тут был и Фролов, переведший "Космос" (А.-Ф.-В. Гумбольта), и Грановский, и Корш с женами, и доктор Пикулин, и братья Щепкины, чудесный народ..." (29 января 1849 г.).⁴

Родители Евгения Николаевича задолго до отмены крепостного права в России освободили своих крестьян, наделив значительным количеством земли. Также они опекали круглых сирот из деревни, воспитывали их, платили за них деньги в училище и мастерам за обучение ремеслам. А своих детей с малолетства учили, чтобы они каждому крестьянину говорили "Вы" и были с ними вежливы и приветливы.

Летом двери усадьбы Николая Михайловича в деревне были широко, по-щепкински, открыты родным и знакомым. Из семейной переписки мы узнаем, что у него отдыхали родители, братья, Брюсовы. Грановский с женой. Сам Грановский пишет Станкевичам: "У Щепкиных нам очень хорошо. В течение 10 дней, проведенных здесь, я написал более чем в течение целой зимы, проведенной в Москве" (7 июля 1854 г.). В ноябре 1857 года М.С. Щепкин пишет из Москвы в Нижний Новгород Т.Г. Шевченко письмо и приглашает его приехать на дачу к сыну.⁵

Путеводной нитью через два поколения семьи Щепкиных прошла дружба с А.И. Герценом. М.С. Щепкин часто бывал в доме у А.И. Герцена, где проходили нескончаемые споры о современной общественной жизни. Когда в 1847 году А.И. Герцен вынужден был покинуть Россию, в числе провожающих был и М.С. Щепкин. Известен факт, что в 1853 году именно Михаил Семенович приезжал в Лондон только затем, чтобы встретиться с Герценом и попытаться отвратить его с революционного пути. От лица московских друзей Герцена Щепкин предлагал свернуть "ненужную", с их точки зрения, деятельность "Вольной типографии" и уехать в Америку: "...ничего не пиши, дай себя забыть, и тогда года через два-три мы начнем работать, чтобы тебе разрешили въезд в Россию". "Вы затопите Россию кровью..." — пророчески обращался великий артист к человеку, который получил в революционных кругах имя Искандер.⁶

Родители Евгения Николаевича, путешествуя в 1857 году по Европе, специально заехали в Лондон к А.И. Герцену. Николай Михайлович Щепкин еще в начале пути написал ему письмо. Сохранился ответ Александра Ивановича: "Любезный Щепкин, я не только не забыл Вас, но и не разлюбил, я следил за вами всеми из моего далёко... и знал о вашей женитьбе и пр.". Герцен пишет о том, какое значение имел для него приезд

М.С. Щепкина в 1853 году: "Я ему был бесконечно рад, хотя все, что он сообщил мне о России, было очень печально. Ваше письмо совсем иное — у вас столько же веселого и полного надежды, сколько у Михаила Семеновича было безотрадного...". По поводу высказанных Николаем Михайловичем надежд на Александра II Герцен пишет: "Пока не будет шага к освобождению крестьян, к избавлению России от палки и кулака, пока цензура не заменится судом (хоть как в Пруссии), до тех пор я могу молчать, но хвалить не стану..." (декабрь 1856 г.).⁷

Эта встреча определила дальнейшую судьбу отца и всей семьи Евгения Николаевича. Вернувшись из-за границы (по примеру Герцена), он начал заниматься издательской деятельностью, продолжая традиции "Колокола" по идеологическому и политическому просвещению русского общества. За свои убеждения и распространение произведений Герцена отец Евгения Николаевича попал под надзор полиции с 1858 по 1861 г. С февраля 1858 года по предписанию московского военного генерал-губернатора графа А.А. Закревского за ним и М.С. Щепкиным учреждается бессрочный секретный строжайший полицейский надзор.⁸

М.С. Щепкин попал под надзор "за дозволение себе входить в неправильные суждения об эмансипации"; его сын — "по подозрению" в продаже запрещенных книг и брошюр.⁹ В августе того же года в донесении А.А. Закревского шефу жандармов и начальнику III отделения князю В.А. Долгорукову дан "список подозрительных лиц в Москве". В списке наряду с К.С. и И.С. Аксаковыми, Н.Х. Кетчером, Е.И. Якушкиным и другими названы также Михаил Семенович и Николай Михайлович Щепкины, из которых первый "желает переворотов", а второй "действует одинаково с отцом". А.А. Закревский писал, что Щепкин причастен к "элементам, которые могут послужить неблагоприятным людям, чтобы произвести переворот в государстве".¹⁰

Под давлением обстоятельств книжный магазин пришлось закрыть, и Николай Михайлович с головой ушел в общественную деятельность. Настало время реформ Александра II, введение нового городского положения в Москве, земских учреждений и новых судов. О переменах в доме шли постоянные разговоры. Особенно горячо обсуждалась судебная реформа. "Представлялось, что после вековой неправды и рабства суды являлись каким-то откровением свободы и равенства", — писал Николай Михайлович Щепкин.¹¹ В 1863 году он избирается от сословия потомственных дворян в гласные городской Думы. Он также избирался гласным губернского земского собрания от города Москвы. В 1864 году становит-

ся одним из первых московских мировых судей. Приемная его помещалась при квартире, так что взрослые дети всегда старались присутствовать во время разбора дел, постоянно общались с лицами, работавшими в канцелярии отца.

Детство Евгения Николаевича проходило в атмосфере любви и доброты. Как писал позднее его брат Николай Николаевич: "Могу только с благодарностью вспомнить отца и мать, окруживших нас в раннем детстве чудными внешними впечатлениями, здоровыми условиями физической жизни и такой средой, постоянно пребывая в которой мы получали задатки демократизма. Моей души не ломали, только поставили дух и тело в благоприятные условия".¹²

Всем сыновьям Николай Михайлович дал возможность получить университетское образование, но все происходившее не могло не отразиться на их судьбах. Евгению Николаевичу было 17 лет, когда его старший брат Владимир наряду с другими народниками, в том числе с Желябовым и Перовской, был привлечен к дознанию, которое завершилось в 1877-1878 годах судом, "Процессом 193-х". На суде адвокатом Владимира был Спасович, а защитником выступил его отец Николай Михайлович.¹³ Вместе с адвокатом они добились оправдательного приговора для сына. По приговору суда Владимир получил год тюрьмы, но был освобожден от наказания ввиду продолжительности предварительного тюремного заключения. Сохранились выдержки из речи Николая Михайловича: "Г. прокурор собирает все наши (с женой) тридцатилетние труды, работы, и плоды их всей тяжестью бросает на голову нашего сына: "Он вышел из хорошего семейства, — говорит прокурор, — и это утягивает его вину!". Ведь это ужасно, господа судьи! Что же теперь нам делать? Отказаться от сына и сказать: "Да, действительно, у нас хорошее семейство, а вот он какой злодей вышел!". Но вы знаете, господа судьи, что ни один отец этого не сделает и не скажет. Я прямо утверждаю, что нет закона, увеличивающего меру наказания за то, что человек вышел из хорошей семьи". Далее Николай Михайлович говорил о том, что в традициях семьи были просвещение "низов" и благодельные дела, что своих крестьян они освободили задолго до 1861 года — отмены крепостного права, — и даже в то время за это их прославляли "красными"! Николай Михайлович защищал не только сына, но и те либерально-демократические идеи, которые исповедовали в среде прогрессивно настроенной интеллигенции России, к которой принадлежал он сам и его отец — М.С. Щепкин. Те взгляды, которые унаследовали их дети, в том числе Евгений Николаевич Щепкин.

После выигранного процесса официальное общество отвернулось от его отца. Он нигде не мог найти работу. Здоровье его пошатнулось, и в 1886 году Н.М. Щепкин умер. После смерти отца Евгений Николаевич Щепкин, выпускник Московского университета, оставленный для подготовки к профессорскому званию на кафедре всеобщей истории, вынужден был заняться преподавательской деятельностью, давать частные уроки. Как писал он годы спустя своей матери: "Конечно, многое плохо в наших семейных делах, но могло быть и хуже. Хорошо, по крайней мере, что за последние пять лет все стоит на точке замерзания..." (Одесса, апрель 1903).¹⁴

В 1890 году в Москве был образован исторический кружок, заседания которого проходили в доме у П.Г. Виноградова. Там встречались, обсуждали новые идеи научного и политического плана известные ученые и молодые студенты, в том числе Е.Н. Щепкин, что также не могло не отразиться на мировоззрении будущего ученого. Уже впоследствии Е.Н. Щепкин писал из Копенгагена в 1895 году: "Неожиданно узнал, что проф. Виноградов взял отпуск на год и проводит его в Скандинавии, пока в Норвегии, изучает языки. Итак, оппонент мне уже готовится".¹⁵

И годы спустя: "О Виноградове и его "гигантских шагах" давно идут слухи (...) надо ждать фактов. Для науки это будет потеря, если он вполне уйдет в администрацию. Я бы лучше пожелал ему кресло в академии, коли университетский стул стал узок. Но, конечно, все мы во власти потоков жизни. Так скажу и о себе. (...) Ведь разве что проф. Виноградов действительно получит пост близ министерства, тогда, пожалуй, перед нами, его учениками, так станут иные пресмыкаться, что подумаешь: ох, не удрать ли?"¹⁶

Е.Н. Щепкин был непосредственно вовлечен в круг молодых либеральных историков того времени. Результатом становилось не только обновление исторического познания, но и расширение возможных форм организации науки, методов научно-исследовательской работы. Столкновение мнений в ходе дискуссий в различных обществах, семинарах, переписке вело к синтезу методологических подходов, к новому осмыслению и интерпретации исторического материала.

Так, для Е.Н. Щепкина одним из важнейших вопросов была защита магистерской диссертации. В фондах Государственного исторического музея г. Москвы сохранилась упоминание о переписке по этому поводу с Р.Ю. Виппером, В.И. Герье, П.Г. Виноградовым, А.И. Кирпичниковым и др. В 1902 году Евгений Николаевич пишет матери: "Кирпичников и его

партия не присоединилась к Випперу, но воздержались от голосования, дабы не доводить своей креатуры до отставки. Вот тебе краткое резюме всего дела и всей моей обширной переписки с Виппером, Герье, Кирпичниковым и др. по этому делу за апрель-май. Весной все это было несколько тягостно, как перед дуэлью, но теперь чувствую приятное сознание, что исполнил долг перед Московским университетом и русской исторической наукой. Если осенью В.И. Герье согласится взять на себя оппонентство, то я буду защищать книгу в Москве, но не ранее октября. Если же он откровенно скажет, что ему некогда, тогда я перенесу дело в Санкт-Петербург и потребую, чтобы туда была сообщена и копия с постановления московского факультета о принятии моей диссертации. Как видишь — жизнь есть борьба, и для здоровых нервов, и борьба есть жизнь".¹⁷

Связь новой идеологии либеральной историографии с предшествующей историко-философской традицией. С одной стороны, представители "нового" поколения историков в лице Н.И. Кареева, П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, А.С. Лаппо-Данилевского, Д.М. Петрушевского, Е.Н. Щепкина и др. стремились к преодолению традиционной методологии исследования, расширяли проблемное поле историко-социальных построений, что отражало общие тенденции модернизации исторической науки и механизм выработки нового самоопределения либеральной интеллигенции в конце XIX века. С другой стороны, именно в выборе тем исследования отчетливо проявлялось преемственность построений либеральной историографии и представителей т. н. "государственной школы", исследовательских приемов, воспринятых у В.И. Герье, В.О. Ключевского.

В письме к брату Вячеславу Николаевичу он писал:

"(Берлин) снова очаровал меня, конечно, почти исключительно библиотекой. Сажу в ней почти целый день и требую книги массами, преимущественно всякие польские родословные и писцовые книги. По ним удалось выправить мои архивные сведения о Лжедмитрии и его литовских сподвижниках, а также найти критическую точку зрения на русские известия — повести и летописи, где впутаны без толку те же имена.

В Вене во время пребывания там Пирлинга я "разгорелся", перерыл все австрийские документы и рукописи в библиотеке и нашел еще много важных "намёков" и фактов (между прочим в двух рукописях Hof Bibliothek нашел по-латыни крайне важную повесть о Лжедмитрии — *Narratio succinfa*, — составленную в его дни по польским сведениям; насколько могу судить, они не были напечатаны, а известия, сходные с нею,

находим у Маржерети и т. п. Пирлинг все что-то хотел припомнить, как будто знал ее, но должно быть хитрит!

В архивных известиях нашел подтверждение того, что уже среди современников Лжедмитрия считали за незаконного сына Грозного. Я поставлю эту цитату из архива Венского эпитафием, хотя другие доказательства (намек у Массы и одно известие, не понятое Маржеретом) разовью во второй половине исследования. Из Данцига имею уже известия, что там целые Сеймовые записи и за последующие годы; сниму с них пока сливки дня в 3-4. Но все это задержало мою вторую главу диссертации. Но обо всем при свидании. (...) Но по моей теории счастья пора снова расплачиваться Москвой. Жму руки".¹⁸

Либерально-историческая мысль в конце XIX — начале XX вв. развивалась в русле общего развития всемирной истории, социологии, психологии, философии, воспринимая новейшие достижения наук в теоретико-методологическом плане. С другой стороны, мировые события и особенности общественно-политической ситуации в России накладывали своей отпечаток на мировоззрение историков и их судьбы. Сохранилось два письма к матери, в которых Е.Н. Щепкин высказывал свою позицию.

"(...) Читать что-либо помимо моей специализации, к сожалению, некогда; всего менее Золя, который всегда наводил на меня только скуку. Я не верю ни в его знание жизни, ни в долговременность его славы (...).

Столкновение англичан с бурами как историческое событие настолько значительно, что я не могу прилагать к нему моральную точку зрения. Каждый народ, который заявляет притязания на самостоятельную роль в истории человечества, должен рано или поздно выдержать борьбу. Буры доказали свою жизнеспособность, а потому человечество может опереться на них в Африке и сочувствовать им. Если бы Англия была в силах дать мир и гражданское равенство Африке, то человечество примирилось бы с наступательным характером ее политики. Я не сочувствую Англии именно потому, что она взяла на себя непосильную ей задачу и ослабление другого государства, способного утвердить культуру. Но что бы ни говорили представители государств, сходящих на второстепенные, пассивные роли, как Франция с Золя, "захваты" в интересах культуры неизбежны, и тем законнее, тем легче они обходятся без кровопролития и насилия. Поэтому я счел бы величайшей ошибкой русских государственных людей, если бы они не воспользовались в течение следующих лет затруднениями в Африке, чтобы дать России в Азии такое твердое положение, которое нужно ей для ее культурной роли. (...)

Итак, без захватов нельзя; пусть Золя побрюзжит и на нас...

Мои первые воспоминания связаны с разгромом Франции, теперь, кажется, на очереди внешнее могущество Англии; вместе с ним шатается крайний кит парламентарного правления, возможный только там, где армия слаба. Для королевы-императрицы Виктории это удар, но культурное значение Франции и Англии может продолжиться без ущерба для человечества, даже если они и сойдут на роль счастливой Голландии".¹⁹

"Я верую в два начала для очищения русской администрации и на окраинах, и в самой России.

1). Гласность во всех ее видах — печатная гласность, гласность в ходатайствах, гласность в обсуждении местных нужд в земствах и т. п. Конечно, слово и печать могут стать опасным орудием, но вредность речи, статьи, книги, журнала не может определять один чиновник, будь то полицмейстер или министр внутренних дел; они сами деятели и люди, они склонны клеймить опасным всякое течение, которое требует от них законности и энергии. Только учреждения, смешанные из административных, судебных, земских и академических элементов, могло бы беспристрастно судить, где свободное слово стремится улучшить администрацию, а где оно действительно подрывает власть.

2). Грамотность. Будь то церковная школа, будь то земская или министерская — чем более, тем лучше. Предыдущее поколение видело падение крепостного права. Наше сделало бы свое дело, если бы дожило до падения безграмотности.

3). Законность. Об этом начале уже как-то высказывали. Вот мои выводы из сравнения русских порядков с западными, которыми я отнюдь не увлекаюсь слепо. Международное положение, к счастью, давит не только в сторону сохранения военно-административного строя, но и в сторону улучшения быта масс. Организация переселения в Сибирь и на окраины долго считалась вредной выдумкой профессоров и газет, пока опасность со стороны желтой расы не сняла охулки с этого движения. Понижение роста новобранцев, увеличение процентов бракованных заставляет бороться с пьянством, которым держится часть бюджета, с сифилисом, с худосочием крестьянских масс. Отсюда — крестьянский банк, казенная продажа вина и т. п. Вообще, самый идеал солдата конца XIX века требует известной интеллигентности масс".²⁰

Как показала дальнейшая судьба Е.Н. Щепкина, его деятельность была связана с изменениями в законодательной, социальной и образовательной сферах общественной жизни России того периода. Как и многие ли-

беральные историки того времени, он сочетал в себе функции исследователя, мыслителя, популяризатора, общественного и политического деятеля; обладал оригинальностью и проницательностью ума, научным остроумием, исторической интуицией, ученой эрудицией, энциклопедизмом. Эволюция их творчества определялась потребностями эпохи, внутренней логикой развития истории и теории познания.

Примечания

- ¹ Гриц Т.С. Щепкин М.С. Летопись жизни и творчества. М., 1966. С. 271.
- ² Станюлис М.В. Н.М. Щепкин. Краткий биографический очерк // Живая коллекция. Сб. научн. трудов. Вып. 3. М., 2009. С. 170.
- ³ Там же. С. 173.
- ⁴ Гриц Т.С. Щепкин М.С. Летопись жизни и творчества. М., 1966. С. 426.
- ⁵ Станюлис М.В. Н.М. Щепкин. Краткий биографический очерк // Живая коллекция. Сб. научн. трудов. Вып. 3. М., 2009. С. 176.
- ⁶ Михаил Семенович Щепкин. Жизнь и творчество. В 2-х тт. М., 1984. Т. 1. С. 104.
- ⁷ Станюлис М.В. Н.М. Щепкин. Краткий биографический очерк // Живая коллекция. Сб. научн. трудов. Вып. 3. М., 2009. С. 177.
- ⁸ Там же. С. 178.
- ⁹ Гриц Т.С. Щепкин М.С. Летопись жизни и творчества. М., 1966. С. 625.
- ¹⁰ Там же. С. 626.
- ¹¹ Станюлис М.В. Н.М. Щепкин. Краткий биографический очерк // Живая коллекция. Сб. научн. трудов. Вып. 3. М., 2009. С. 179.
- ¹² Там же. С. 181.
- ¹³ Отдел письменных источников Государственного исторического музея г. Москвы (далее ОПИ ГИМ), ф. 440, оп. 1, д. 811.
- ¹⁴ ОПИ ГИМ, ф. 276 (Щепкины), оп. 1, д. 109, лл. 52-53.
- ¹⁵ ОПИ ГИМ, ф. 276, оп. 1, д. 107, л. 47.
- ¹⁶ ОПИ ГИМ, ф. 276, д. 108, лл. 80-81. Письмо к матери, Одесса, 12 ноября 1902 г.
- ¹⁷ ОПИ ГИМ, ф. 276, оп. 1, д. 109, л. 29. Письмо к матери, Одесса, 8 июня 1902 г.
- ¹⁸ ОПИ ГИМ, ф. 276, оп. 1, д. 109, лл. 44-45. Письмо к брату, Берлин, 9 сентября, 1901 г.
- ¹⁹ ОПИ ГИМ, ф. 276, оп. 1, д. 108, лл. 32-33. Письмо к матери, Одесса, 31 декабря 1899 г.
- ²⁰ ОПИ ГИМ, ф. 276, оп. 1, д. 107, лл. 51-52. Письмо к матери, Копенгаген, октябрь 1895 г.

